

21. Селиверстова, О.Н. Труды по семантике. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 960 с.
22. Топоров, В.Н. Исследования по этимологии и семантике. Т. 1: Теория и некоторые частные ее приложения / В.Н. Топоров. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 816 с.
23. Шведова, Н.Ю. Об активных потенциях, заключенных в слове / Н.Ю. Шведова // Слово в грамматике и словаре. – М., Издательство «Наука», 1984. С. 7 – 15.
24. Duden. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache: in acht Bänden. – Mannheim; Wien; Zürich: Dudenverlag, 1993.
25. Grimm, J., Grimm, W. Deutsches Wörterbuch: in 32 Teilbänden [Электронный ресурс]. – Leipzig: S. Hirzel, 1854–1960. <http://germazope.uni-trier.de/Projects/WBB/woerterbuecher/dwb>.

Ю.О. Бархатова (Полоцк, ПГУ)

ЯЗЫК КАК ФОРМА ФИКСАЦИИ РЕЗУЛЬТАТОВ ЧУВСТВЕННОГО ПОЗНАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ПЕРЦЕПТИВНОГО ПРИЗНАКА «ФОРМА»)

Для многих современных лингвистических исследований характерно рассмотрение языковых явлений не изолированно, как знаков особой системы, существующей «в самой себе и для себя», а в тесной связи с человеком. Подобное понимание связано с новым когнитивным подходом к языку, «при котором делается попытка рассмотреть все изучаемые явления и процессы, единицы и категории и т.п. по их связи с другими когнитивными процессами – с восприятием и памятью человека, его воображением и эмоциями, мышлением» [7, с. 9]. По мнению Е.С. Кубряковой, именно «язык выявляет и объективирует то, как увиден и понят мир человеческим разумом, как он преломлен и категоризован сознанием» [6, с. 37].

Изучение отражения в языке результатов чувственного познания окружающей действительности занимает в этом ряду исследований особое место, поскольку именно чувственное восприятие является основным источником информации и способом познания.

По мнению Р.Л. Солсо, «наши знания изначально имеют чувственную природу» [12, с. 55]. Такого рода первичная информация служит источником для появления и функционирования высших форм психической деятельности, выходящих за пределы непосредственной данности, и обеспечивает регуляцию разнообразной ориентировочной, познавательной и практической деятельности [11, с. 137].

Благодаря деятельности пяти органов чувств человек получает различного рода информацию об окружающем мире. Так, зрительно человек воспринимает размеры, форму, цвет, на слух – звуковые характеристики объекта, на вкус – вкусовые ощущения, при помощи органов обоняния человек воспринимает запахи, а осязательно определяются характеристики поверхности объекта, температура, его вес и некоторые другие свойства.

Полученная информация поступает в мозг и интерпретируются далее высшими когнитивными механизмами: мышлением, памятью, формируя концепты, «оперативные содержательные единицы мышления, кванты структурированных знаний об объективной действительности» [5, с. 45]. Концепты не изолированы друг от друга, они взаимодействуют, переплетаются и образуют сложноорганизованную концептосферу, которая представляет собой знания коллективного сознания о мире [там же, с. 45].

По мнению учёных, исследования способов вербализации концептов и категорий, отражающих определённое видение мира человеком, служит наиболее доступным и объективным источником сведений о когнитивных структурах интеллекта человека. Поскольку именно посредством языка происходит фиксация и переработка чувственных данных, осознание специфики тех или иных предметов, выделение их сходств и различий, выявление и обобщение их связей и отношений с другими предметами. То есть язык являет собой средство организации, обработки и передачи информации, в котором отражается весь познавательный опыт человека.

В нашем исследовании особенности чувственного познания окружающего мира рассматриваются на примере признака «форма», воспринимаемом человеком зрительно и тактильно.

Представление о форме, возможное в результате способности человеческого ума к абстракции, отвлечению – ведь в реальной действительности форма неразрывно связана с объектом – есть прежде всего представление о пространственной конфигурации объекта. В.М. Топорова пишет, «любое твёрдое тело существует в определённых пределах, то есть представляет собой конечную массу, ограниченную в пространстве своей поверхностью. Соответственно способу организации каждый предмет характеризуется определённым количеством составляющих его частей и их расположением относительно друг друга ..., особенностями внешнего очертания поверхности, то есть имеет некоторую, воспринимаемую зрительно (и тактильно) пространственную конфигурацию» [13, с. 225]. Как внешнее очертание, наружный вид предмета трактуется форма в толковых словарях немецкого и русского языков [14, с. 563], [8, с. 855].

Поскольку форма – признак предмета, а прототипическим представителем категории признака в языке является имя прилагательное, то интересным в этой связи представляется исследование именно прилагательных немецкого языка, имеющих системное значение-описание формы предмета.

Анализ данных, полученных методом сплошной выборки из толкового словаря современного немецкого языка DUDEN [14], показал, что для описания формы служит довольно многочисленная группа прилагательных (250 лексических единиц), в которую входят как исконные, первичные прилагательные, то есть симплексы, так и производные разных типов – как дериваты, так и сложные слова: *beerenförmig, fächerförmig, kelchförmig, mandelförmig, muschelrig, o-förmig*. Доля простых прилагательных в этой группе невелика, они составляют одну десятую от общего количества имён прилагательных описывающих форму: *gerade, krumm, schief, schräg, spitz, scharf, stumpf, eben, glatt, rau, rund*. Преобладание в системе языка производных прилагательных для описания формы объясняется особенностями восприятия и номинации анализируемого признака человеком. Во-первых, форма представляет собой «классический пример эталонного атрибута» [9, с. 84]. Каждый предмет в окружающем нас мире обладает определённой, чаще всего только ему присущей, неповторяющейся на других объектах, формой. Поэтому, называя форму, человеку проще указать на объект, на котором этот признак был воспринят, чем детально характеризовать все особенности его кривизны, прямизны и изломов: *flockenförmig, halbmondförmig, hantelförmig*. Во-вторых, если бы человек для каждой редко повторяющейся формы наряду с именем объекта создавал немотивированное (непроизводное) наименование для его формы, это затрудняло бы саму коммуникацию, так как оперировать мотивированными знаками, как известно, человеку легче, так же как и категоризовать форму объекта, указав лишь на её сходство с эталоном в большей или меньшей степени. Если бы человек был вынужден описывать формы, особенно природных объектов, со всей точностью, он, вероятно, оказался бы «парализован» в языковом отношении.

Простые прилагательные со значением формы, будучи первичными – о чем свидетельствует их морфологическая структура – и входя в базовый лексикон, фиксируют те формы объектов, которые вследствие своей значимости были выделены человеком раньше, чем те, которые выражены производными лексическими единицами. Анализ лексических значений рассматриваемых прилагательных показал, что они не описывают форму целостно, а характеризуют отдельные части, структурные элементы объектов, например особенности контуров поверхности: *gerade* ‘in unveränderter Richtung fortlaufend, nicht krumm, gekrümmt; unverbogen’; *glatt* ‘ohne sichtbare, spürbare Unebenheiten’; *rau* ‘auf der Oberfläche kleine Unebenheiten, Risse o.Ä. aufweisend, sich nicht glatt anfühlend’.

В отличие от простых прилагательных производные, содержащие уже в «теле» знака указание на объект-эталон данной формы, описывают соответствующий предмет целостно, как пространственную конфигурацию, например, *birnenförmig* ‘die Form einer Birne habend’; *hantelförmig* ‘die Form einer Hantel aufweisend’; *kastenförmig* ‘von, in der Form eines Kastens’.

Важно подчеркнуть, что данные языковые наблюдения согласуются с результатами психологических исследований. Так, учёные утверждают, что восприятие формы есть сложный процесс, одним из важных этапов которого является анализ элементов или признаков. В результате функционирования конфигурационного механизма расчленения изображения происходит выделение первичных признаков, элементарных единиц, на основе которых строится целостный образ [4].

В описании простыми именами прилагательными контура предмета находит отражение ещё одна психологическая особенность восприятия формы объектов. Именно контур, по мнению психологов, есть то «первоначальное и общее качество, которое является исходным как для зрительного, так и для осязательного восприятия формы предмета» [1, с. 163], а признаки, характеризующие линию контура, к коим относятся, например, прямолинейность, вогнутость, излом, являются теми первичными элементами, благодаря которым представление об объекте является «самым достоверным его портретом в смысле отражения всех его деталей» [3, с. 37]. При этом выявленные психологами первичные признаки не противостоят экспериментальным данным физиологии, согласно которым перцептивно воспринимаемые свойства зрительных объектов: прямолинейные и криволинейные участки контуров, интенсивность освещения, определённые размеры, выделяются врождёнными физиологическими нейронами-детекторами признаков [там же, с. 30].

Анализ словарных дефиниций простых имён прилагательных не выявил указаний на объекты, выступающие эталонами для того или иного признака. Исключение в этом отношении составляет лишь *rund*, содержащее указание на эталоны круглой формы: *Kugel (f), Kreis (m)*. Однако в ходе анализа выявлен ряд сложных имен прилагательных, образованных по модели *N + Adj.*, где *N* – конкретное имя существительное, обозначающее определённый предмет, выступающий эталоном, а *Adj.* – простое имя прилагательное: *pfeilgerade, kerzengerade, schnurgerade, gichtkrumm, apfelrund, tellerrund, kugelrund, kreisrund, messerscharf, schneeglatt, spiegelglatt*. При этом следует отметить, что в качестве второго компонента сложного слова выступают далеко не все анализируемые простые имена прилагательные. Данный факт, с одной стороны, позволяет предположить, что, не все первичные типы форм одинаково значимы в описа-

нии объектов окружающего мира. А с другой стороны, он ещё раз указывает на неотделимость формы от объекта и, как следствие, стремление человека при описании формы фиксировать объект, выступающий эталоном той или иной формы. И, наконец, это свидетельствует о том, что в ходе развития общества человек испытывал потребность во все большей дифференциации форм, которые на начальных этапах становления языка, напротив, обобщались за счет абстракции от различий и подводились под один знак, или включались в одну категорию.

Полученные данные свидетельствуют ещё об одной особенности отражения в языке познания человеком формы – явлении синестезии.

В психологии под синестезией понимают такой феномен восприятия, при котором «впечатление, соответствующее данному раздражителю и специфичное для данного органа чувств, сопровождается другим, дополнительным ощущением или образом, часто характерным для другой модальности» [10, с. 419].

Явление синестезии – свидетельство взаимосвязи анализаторных систем человеческого организма и целостности чувственного отражения объективной действительности в сознании человека, что не может не сказаться в языке. Так, гладкую, ровную поверхность объекта человек воспринимает как зрительно, так и тактильно. В немецком языке этот факт находит отражение как в словарной дефиниции *glatt* ‘ohne sichtbare, spürbare Unebenheiten’, так и на уровне сочетаемости лексических единиц: *glatte Wasserfläche* – здесь речь может идти только о зрительном восприятии, в *glatte Tischfläche*, скорее, и о зрительном, и о тактильном.

Основанием для выявления синестезии для нас служили слова-идентификаторы – *sichtbar, spürbar, anfühlend*, присутствующие в словарной дефиниции имён прилагательных, описывающих форму объектов: *glatt* ‘ohne sichtbare, spürbare Unebenheiten’. Иногда, слова, фиксирующие данные тактильного восприятия, обнаруживались при семантическом развёртывании на 1 шаг вглубь: *stumpf* ‘(am Rand.) nicht abgerundet und glatt, sondern in eine Spitze, in einen spitzen Winkel zulaufend [und deshalb oft verletzend]’ → *glatt* ‘ohne sichtbare, spürbare Unebenheiten’.

В системе немецкого языка зафиксированы и переносы в обратном направлении, то есть использование прилагательных, описывающих форму, для характеристики вкусовых, обонятельных и слуховых ощущений: *scharfer Geschmack; scharfer Tiergeruch; spitzes Gebrüll*.

Синестетические переносы представлены в описании формы небольшим числом. По нашему мнению, это может быть объяснено тем, что переходя в сферу обозначения другого ощущения, номинации, образованные в результате синестетического переноса, утрачивают свои первоначальные семантические компоненты и реализуют в первую очередь оценочные значения. Форма же является «одним из самых объективных признаков предмета» [2, с. 28]. В номинации формы для человека важнее объективная информация о структуре поверхности, об особенностях внешних контуров предмета, нежели чем её оценка по какому-то критерию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ананьев, Б.Г. Психология чувственного познания / Б.Г. Ананьев. – М.: Наука, 2001. – 277 с.
2. Вольф, Е.М. Функциональная семантика оценки / Е.М. Вольф. – М.: Наука, 1985. – 230 с.
3. Грановская, Р.М. Восприятие и модели памяти / Р.М. Грановская. – Л.: «Наука» Ленингр. отд-ние, 1974. – 361 с.
4. Колерс, П. Некоторые психологические аспекты распознавания образов / П. Колерс // Распознавание образов. Исследование живых и автоматических распознающих систем: сб. науч. ст. – М., Мир, 1970. – С. 25 – 79.
5. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. – М.: Москов. гос. ун-т, 1996. – 245 с.
6. Кубрякова, Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения / Е.С. Кубрякова. – М.: Ин-т языкознания РАН, 1997. – 331 с.
7. Кубрякова, Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
8. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1997. – 944 с.
9. Рузин, И.Г. Когнитивные стратегии именования: модусы перцепции (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус) и их выражение в языке / И.Н. Рузин // ВЯ. – 1994. – № 6. – С. 79 – 100.
10. Синестезия // БСЭ. – 3-е изд. – М., 1976. – Т. 23.
11. Современная психология: Справочное руководство / отв. ред. В.Н. Дружинин. – М.: ИНФРА-М, 1999. – 688 с.
12. Солсо, Р.Л. Когнитивная психология / Р.Л. Солсо. – М.: Тривола, М.: Либерейя, 2002. – 600 с.

13. Топорова, В.М. Форма / В.М. Топорова // Антология концептов: сб. науч. ст. / науч. ред. В.И. Карасик, И.А. Стернин. – М.: Гнозис, 2007. – С. 224 – 243.
14. DUDEN deutsches Universalwörterbuch / Hrsg. von der Dudenred. – 5., überarbeitete Aufl. – Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverl., 2003. – 1892 S.

О.Л. Зозуля (Брест, БрГУ им. А.С. Пушкина)

**ОТРАЖЕНИЕ КОГНИТИВНЫХ СВЯЗЕЙ
В СЕМАНТИЧЕСКИХ ОПРЕДЕЛЕНИЯХ ФИТОНИМОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)**

Когнитивно ориентированная парадигма лингвистических исследований имеет определенную систему установок: экспансионизм, функционализм, антропоцентризм и экспланаторность [2, с. 207]. С выявлением и моделированием когнитивных структур, которые объективируются языковыми единицами и категориями, то есть с установлением их когнитивных оснований, связываются перспективы развития лингвистической науки (Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Н.Н. Болдырев, М.В. Никитин, А.Е. Кибрик, З.А. Харитончик, В.А. Маслова, Н.В. Фурашова и др.). При этом путь от языка к мышлению «... может не только объяснить, почему языки устроены так, как они устроены (а это является главной целью лингвистической теории), но и способствовать реконструкции существенных характеристик собственно когнитивной структуры» [1, с. 53].

По признанию лингвистов-когнитологов, когнитивные структуры кодируются, в первую очередь, в семантике языковых единиц. Возможно, это объясняет то, что нынешняя эпоха развития лингвистики – это эпоха семантики, которая долгое время находилась на периферии лингвистических исследований.

Следует отметить, что категория значения является общенаучной, о чем свидетельствуют многочисленные теории в различных науках (философии, логике, психологии, лингвистике и т.д.). В этих теориях разрабатывались отдельные аспекты значения, косвенно демонстрирующие сложность данного понятия и исследующие один и тот же объект с разных позиций, принимая во внимание только лишь часть общей картины. В языкознании также имеется немало семантических теорий, базирующихся на различных принципах и исходных представлениях о языке: его природе, функциях, системно-структурных и функциональных характеристиках. Традиционно лексическое значение рассматривалось как понятие, как отражение понятия или действительности, как связь или отношение между знаком и понятием. В современной когнитивно ориентированной парадигме лингвистических исследований семантика языковых единиц рассматривается как форма фиксации когнитивных структур, которые представляют собой способ/результат переработки информации человеком и ее упорядочивания в его сознании [4, с. 321], то есть как форма фиксации конвенционального знания об объектах и явлениях окружающей действительности. По мнению Е.С. Кубряковой, появление когнитивного направления в лингвистике «знаменовало новый подход к осмыслению категории языкового значения как з н а н и я , зафиксированного в знаке и нашедшего в нем свое особым образом обработанное и свернутое (редуцированное) в определенную когнитивную (концептуальную) структуру отражение» [3, с. 33].

Объектом данного сообщения являются словарные дефиниции наименований растений (фитонимов)¹, фиксирующие системные значения языковых единиц. Обращение к толковому словарю основано на том, что «лексикографические описания с характерной для них энциклопедичностью и богатством сведений о многочисленных значениях языковых единиц ... становятся непревзойденным источником информации о вербализованных концептах и категориях» [5 с. 153]. Предмет исследования – связи в когнитивной структуре, объективированной в системном значении языковых единиц.

По мнению А.Е. Кибрика, факт наличия связей между отдельными единицами когнитивной структуры является очевидным. При этом большое значение имеют в первую очередь непосредственные связи, то есть «когнитивная сопряженность», так как опосредованные связи следует рассматривать как «цепочки непосредственных когнитивных связей на множестве когнитивных единиц, входящих в когнитивную структуру» [1, с. 54].

В когнитивных структурах, зафиксированных в дефинициях фитонимов, могут быть выделены следующие виды связи:

1) *горизонтальная когнитивная сопряженность*, что, возможно, является следствием объективной / денотативной взаимосвязи отдельных квантов знания, формирующих когнитивные структуры. На уровне одного семантического определения, то есть внутри одной когнитивной структуры, это может быть связь, например, между:

¹ Материалом для исследования послужили данные электронного толкового словаря немецкого языка в 10-ти томах Дуден [6].